

МИР И СЧАСТЬЕ МОГУТ И ДОЛЖНЫ ТОРЖЕСТВОВАТЬ В НАШ ВЕК!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

Год издания 31-й
№ 41 (4166)

Вторник, 5 апреля 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев с семьей и сопровождаемыми его лицами вернулся 3 апреля в Москву из поездки во Францию. Вчера, 4 апреля, во Дворце спорта Центрального стадиона имени В. И. Ленина состоялся многотысячный митинг трудящихся Москвы. Представители рабочих, колхозников, интеллигенции поздравили главу Советского правительства с успехом его исторической миссии. С большой речью об итогах визита выступил Н. С. Хрущев.

Речь товарища Н. С. ХРУЩЕВА

на общемосковском митинге, посвященном итогам визита во Францию, 4 апреля 1960 года

Дорогие товарищи москвичи!
У нас уже стало хорошей традицией, когда руководящие деятели Советского Союза, возвратившись из поездки в зарубежные страны, отчитываются перед вами, а в вашем лице и перед всем народом о проделанной работе.

Мне не раз приходилось выступать с такими отчетами. И должен со всей откровенностью сказать, что всякий раз, поднимаясь на эту трибуну, я испытываю большое волнение, хорошо понимаю, что такое выступление является делом очень ответственным, непосредственным отчетом перед народом о том, как представлял за рубежом свою великую страну, достоин ли выражал и защищал там интересы советского народа. (Продолжительные аплодисменты).

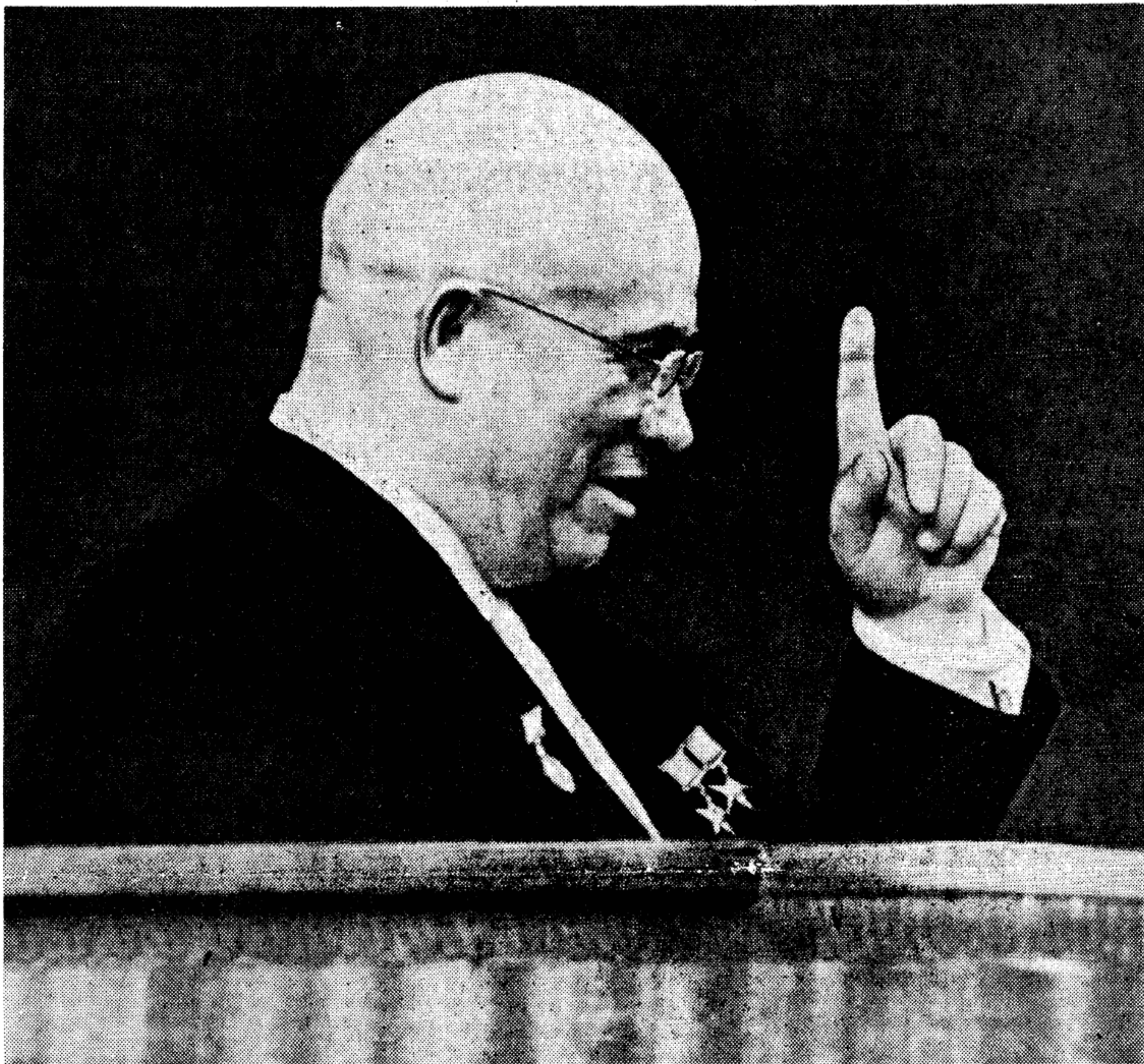
Каждый раз, возвращаясь из зарубежных поездок на Родину, мы прямо с аэродрома спешим на встречу с вами. Отчитаться и сразу легче станет, тогда, как говорится, и слышь спокойнее. (Аплодисменты). Но на этот раз получилось так, что из Франции мы вернулись в Москву в воскресенье, и притом уже под вечер. Конечно, мы и не предполагали, что состоится митинг в воскресный день, когда люди отдыхают. Но от этого мне не было легче, так как предстояли сутки лишнего волнения. (Аплодисменты).

И вот теперь мы встретились с вами, дорогие товарищи москвичи! Наше пребывание во Франции, куда мы были приглашены Президентом Французской Республики генералом де Голлем, длилось одиннадцать дней. За это время мы имели с Президентом Франции несколько бесед, вели с ним переговоры, встречались с премьер-министром господином Дебре, министрами и другими деятелями Французской Республики.

За это время мы совершили также поездку по городам страны, где встречались с руководящими деятелями этих городов, с народом Франции. Нам была предоставлена возможность посетить заводы и фабрики, беседовать с рабочими, служащими, крестьянами. Мы встречались с деловыми людьми Франции, с представителями французского парламента, с профсоюзными и другими общественными деятелями, с представителями французской и мировой прессы. Словом, без работы быть там нам не пришлось. (Оживление в зале. Аплодисменты).

Почему мы поехали во Францию, что там нас интересовало? Прежде всего, желание установить лучшие контакты с Президентом де Голлем и правительством Французской Республики, обменяться с руководящими деятелями Франции мнениями по вопросам, которые интересуют наши страны и давно уже ждут своего решения. Мы совершили эту поездку в интересах уменьшения международной напряженности, обеспечения мирного существования государств, а следовательно, укрепления мира в Европе, мира на всей земле. (Аплодисменты).

Если подвести итог, то можно сказать, что поездка прошла довольно успешно. Переговоры и беседы, которые состоялись между мною и генералом де Голлем, являются очень серьезными и весьма полезными. (Аплодисменты). Совершенно искренне и свободно мы обменялись с Президентом Французской Республики мнениями по всем тем вопросам, которые мы считали необходимым обсудить. Каждый из нас откровенно изложил свою позицию и с такой же откровенностью высказался по обсуждавшимся вопросам. Нет сомнения в том, что это способствовало лучшему представлению и пониманию позиций каждой из сторон.

Н. С. Хрущев выступает с речью об итогах поездки во Францию.

Фото М. Трахмана

Естественно, что наши позиции по важнейшим вопросам не полностью совпадают. Но обстоятельный обмен мнениями показал, что по большинству вопросов наше понимание близко сходится. По вопросам разоружения, — а ведь это главный вопрос, волнующий всех людей, которые беспокоятся за безопасность, за обеспечение мира, — наши позиции с генералом де Голлем, а бы сказал, совпадают. (Продолжительные аплодисменты). И уже только для того, чтобы взаимно выяснить позиции Советского Союза и Франции по вопросу о разоружении, стоило поехать во Францию. Вот почему можно считать, что эта поездка завершилась успешно. (Продолжительные аплодисменты).

Вы, конечно, понимаете, товарищи, что в наших переговорах и беседах с Президентом де Голлем важное место заняла проблема, которая очень волнует народы Советского Союза и других стран Европы, подвергшихся нашествию гитлеровцев. Мы весьма откровенно беседовали с Президентом Франции по германской проблеме. Основным в этой проблеме является подведение черты под второй мировой войной, заключение мирного договора с Германией, что означало бы вместе с тем ликвидацию оккупационного режима в Западном Берлине.

Мне кажется, что теперь Президент и правительство Франции лучше знают и

понимают позицию Советского Союза, а мы получили более конкретное представление о позиции французской стороны по этим вопросам.

Позиция Советского правительства по этому вопросу широко известна, мы ее неоднократно излагали. Мы считаем ненормальным и опасным для мира в Европе искусственное сохранение остатков второй мировой войны, что держит народы под угрозой новых конфликтов, новой войны. Народы Советского Союза, Франции, как и народы других европейских стран, которые неоднократно подвергались нашествиям германских захватчиков, не хотят возрождения германского реваншизма и милитаризма.

Имеются все возможности для справедливого решения германской проблемы и устранения угрозы нарушения мира со стороны германских милитаристов. Мы стояли и стоим на том, что нельзя медлить в поисках решения, которое отвечает бы интересам всех народов, в том числе и самого германского народа, интересам сохранения и укрепления всеобщего мира.

Мы хотели бы, чтобы вопрос о заключении мирного договора, о нормализации обстановки в Западном Берлине был решен совместно, по согласованию со всеми странами, которые воевали против гитлеровской Германии в минувшей войне.

Советский Союз добивается заключения мирного договора с двумя реально существующими германскими государствами. Подписание такого договора способствовало бы улучшению международной обстановки, ликвидации «холодной войны», расчищено бы путь для хорошего делового сотрудничества между странами с различными социальными и политическими порядками.

Все это способствовало бы практическому применению принципов мирного сосуществования в международных отношениях.

Но на этом пути имеется еще много трудностей. Об этих трудностях нельзя не сказать. Некоторые деятели, — я имею в виду, прежде всего, канцлера Аденауэра, — не хотят заключения мирного договора с Германией и выступают против того, чтобы этот вопрос был решен по договоренности между Советским Союзом и западными державами. Они пытаются сделать германский вопрос объектом «пробы сил» в столкновении между Востоком и Западом.

Во время пребывания в Соединенных Штатах Америки канцлер Аденауэр направил свои усилия не на то, чтобы достигнуть решения спорных вопросов, расчищать путь для мирного сосуществования стран с различным общественным строем. Напротив, он пытался мобилизовать сторонников «холодной войны»,

сплотить их для того, чтобы не допустить соглашения о заключении мирного договора с Германией.

Позднее, находясь в Японии, Аденауэр продолжал выступать в том же духе. Вот его позиция: если НАТО хочет доказать свою силу, то пусть не отступает ни на дюйм и не допускает никаких изменений в нынешнем статусе Западного Берлина.

Но это крайне опасная позиция. Такой подход может привести человечество на грань войны, и мы обязаны предупредить об этом всех людей, заинтересованных в сохранении мира. Занимая подобную позицию, канцлер Аденауэр плохо служит даже Западной Германии. Он наносит большой вред всем народам, которые стремятся к миру, к ликвидации международной напряженности.

Можно с уверенностью сказать, что если господин канцлер не изменит своей политики, если он будет упорствовать в проведении своего нынешнего курса, жизнь опровергнет его, потому что живое жить хочет. (Продолжительные аплодисменты). Люди хотят нормальной мирной жизни. А обеспечить ее можно только путем решения вопроса о разоружении, путем заключения мирного договора с двумя германскими государствами.

Поэтому мы прямо заявляем канцлеру Аденауэру и всем тем другим, кто стремится помешать достижению договоренности о германском мирном договоре, — мы будем делать все для решения этого вопроса на основе, приемлемой и для западных держав. Но, если наши усилия ни к чему не приведут, Советский Союз заключит мирный договор с Германской Демократической Республикой. И мы уверены, что вместе с Советским Союзом его подпишут все, кто понимает необходимость ликвидации ненормального положения в центре Европы. (Бурные аплодисменты).

Мы уверены также в том, что, вопреки стараниям канцлера Аденауэра, западные державы рано или поздно придут к тому же выводу, что и мы. Сама жизнь заставит их понять, что заключение мирного договора с двумя германскими государствами, — это единственно правильное решение, обеспечивающее в Европе нормальную обстановку мира и спокойствия. (Продолжительные аплодисменты).

Народы Советского Союза и Франции, неоднократно страдавшие от германской агрессии, в первую очередь заинтересованы в таком решении германской проблемы, при котором Германия перестала бы быть источником военной угрозы, источником беспокойства и конфликтов в Европе.

Находясь во Франции, встречаясь с парламентариями, представителями деловых кругов и простыми людьми, мы хорошо ощутили настроение французского народа. Франция все больше отдает себе отчет в том, что означало бы для его страны возрождение германского милитаризма и реваншизма. Мне вспоминается в этой связи, с каким горячим одобрением встречали участники приемов и собраний в Париже и других городах напоминание о том, что Советский Союз и Франция должны быть вместе, чтобы не допустить новой агрессии со стороны реваншистов.

В ходе встреч и бесед с генералом де Голлем мы установили, что имеется основа для выработки согласованной позиции между нашими странами по ряду важных международных вопросов. В коммюнике о переговорах сказано, что урегулирование путем переговоров на согласованной основе вопросов, относящихся

к Германии, включая мирный договор с Германией и берлинский вопрос, имело бы важное значение для укрепления мира и безопасности в Европе и во всем мире. (Аплодисменты).

Мы придаем большое значение нашим отношениям с Францией. Если Советский Союз и Франция, как два крупнейшие континентальные государства Европы, объединят свои усилия со всеми другими государствами, столицами за мир, то будет создана непреодолимая преграда для новой агрессии и новой войны в Европе. (Аплодисменты).

Во время нашего пребывания во Франции кое-кто на Западе в недобрых целях пытался утверждать, будто Советский Союз хочет посягнуть Францию с Западной Германией, настроить французских против немцев.

Трудно придумать более несенный вымысел. Хотя советские люди пострадали от гитлеровцев больше, чем народы других стран, мы строили и строим свою политику в отношении Германии отнюдь не на вражде к немцам. Советским людям чужды злонамеренность и мстительность. Мы хотим дружить с немцами. Мы установили отношения искренней дружбы с Германской Демократической Республикой. Мы будем и дальше укреплять и развивать эти отношения.

Вместе с тем Советский Союз хочет иметь нормальные, дружественные отношения и с Федеративной Республикой Германии. Нас не пугают хорошие отношения Федеративной Республики Германии с другими государствами, в частности, с Францией. Мы, однако, убеждены, что подлинные дружественные отношения Западной Германии с другими европейскими государствами возможны лишь в Европе, избавленной от остатков второй мировой войны. Если Советский Союз, Франция и оба германских государства будут в дружбе между собой, в Европе исчезнет почва для всякого беспокойства и тревоги.

В своих выступлениях во Франции я говорил и хочу еще раз подчеркнуть, что Советский Союз хочет дружить с Французской Республикой и тем самым улучшить наши отношения, добиваться сближения и дружбы с друзьями Франции. Мы хотим, чтобы наша дружба с Францией способствовала укреплению ее дружбы с нашими друзьями.

Товарищи! Обмен мнениями показал, что как Советский Союз, так и Франция глубоко заинтересованы в развитии экономических и культурных связей. Как отмечается в совместном коммюнике, в последние годы советско-французская торговля развивалась благоприятно к взаимной выгоде обеих стран. Товарооборот между нашими странами за шесть последних лет вырос более чем в пять раз.

В ходе переговоров с Президентом де Голлем было признано возможным и целесообразным существенно увеличить советско-французскую торговлю. В этих целях решено в течение текущего года провести переговоры для установления объема товарооборота на ближайшие пять лет, то есть до 1965 года. Такое соглашение открывает хорошую перспективу для развития экономического сотрудничества.

В беседах с Президентом мы подчеркивали, что развитие торговых связей между нашими странами означало бы создание хорошего, стабильного рынка для сбыта продукции Франции. И для нас закупки во Франции представляют определенный интерес. Мы удовлетворены тем, что Президент и французские

(Окончание на 2-й стр.)

Дворец спорта Центрального стадиона имени В. И. Ленина. Многотысячный митинг трудящихся Москвы, посвященный возвращению Н. С. Хрущева из Франции.

Окончание речи товарища Н. С. ХРУЩЕВА

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

правительство проявила большую заинтересованность в развитии экономического сотрудничества, что и нашло отражение в совместном коммюнике.

Встречи и беседы с представителями деловых кругов в Торговой палате, с владельцами крупных фирм показали, что многие деловые люди Франции понимают большое значение экономических связей с Советским Союзом и стремятся к их расширению. Некоторые фирмы в ходе обсуждения торговых отношений выдвинули целый ряд интересных практических предложений. Они знают, что наша страна в настоящее время имеет товары и сырье, в которых нуждается Франция. В свою очередь Франция имеет товары, в которых мы заинтересованы, а также имеет свободные промышленные мощности для выполнения советских заказов. Особенно это относится к судостроительным и машиностроительным заводам. Мы, например, могли бы сделать заказы на постройку судов, на оборудование для химической, легкой и пищевой промышленности.

Ознакомившись с крупнейшим заводом в Лаке по переработке природного газа, с автомобильным заводом Рено, с текстильными предприятиями Буссака и Приво, мы узнали много интересного в области развития промышленности Франции.

Мы всегда придавали и придаем важнейшее значение экономическим связям между государствами, так как они являются прочной основой для лучшего взаимопонимания и обеспечения сотрудничества в интересах мира и подъема благосостояния народов. Там, где развиваются экономические связи, расширяется сотрудничество на основе взаимной выгоды, там находят свое конкретное проявление воля народов, стремление к миру, к мирному сосуществованию. В этом — важный фактор укрепления мира.

Во время переговоров с генералом де Голлем были затронуты вопросы культурного и научно-технического сотрудничества, которые имеют весьма важное значение для улучшения международного взаимопонимания. И в этом отношении за последнее время имеются определенные сдвиги, хотя возможности, конечно, используются далеко не полностью.

Подписанный в Париже протокол по вопросам культурного и научно-технического сотрудничества между СССР и Францией предусматривает конкретные мероприятия, способствующие прогрессу науки в интересах мира и благосостояния народов. Академия наук Советского Союза, Академия медицинских наук, крупнейшие научно-исследовательские институты нашей страны и важнейшие научные организации и учреждения Франции разработали и осуществляют программы обмена и научного сотрудничества.

Главное управление по использованию атомной энергии при Совете Министров нашей страны и Комиссариат по вопросам атомной энергии Франции заключили соглашение, в котором определены условия научного сотрудничества в области мирного использования атомной энергии на 1960—1961 годы. Это — первое соглашение Советского Союза о сотрудничестве с великой некоммунистической страной в столь важной области научного прогресса. (Аплодисменты). Мы придаем этому соглашению большое значение и считаем, что сотрудничество в области мирного использования атомной энергии будет ценным как для нас, так и для Франции, потому что и та и другая стороны накопили большой опыт, который может оказаться взаимно полезным.

Французский народ трудолюбив, он располагает большими техническими опытами и традициями, а земля его богата. И если бы силы и энергия французского народа были сосредоточены целиком на решении мирных задач, можно не сомневаться, что они добились бы еще больших успехов. Жизнь показывает, что для развития экономики вовсе не обязательно искать природные ресурсы где-то за пределами национальных границ, особенно если творческие силы и материальные возможности каждой страны будут отданы целиком на мирные дела.

Стремление к миру определяло настроение французского народа, которое вылилось в нашу встречу, и чувства их легко было понять, вспоминая, как много войн бушевало на французской земле. Везде и всюду мы видели памятники людям, павшим в сражениях. Особенно впечатление произвело на нас посещение Вердена, вокруг которого поля заняты огромными кладбищами с десятками тысяч каменных крестов на солдатских могилах.

Эти кресты, эти могилы являются для французского народа вечным напоминанием о том, откуда чаще всего приходили к ним враги. И, видимо, многие французы понимают, что и сейчас не исключена полностью угроза Франции с той стороны, с какой она неоднократно нависала над их землей.

Люди старшего поколения, с которыми нам приходилось беседовать, с признательностью вспоминали о том, что на этих кладбищах рядом с французскими солдатами сбит вечным сном русские воины, которые в годы первой мировой войны сражались плечом к плечу с французами против общего врага. Во Франции высоко чтят память советских солдат, которые бежали из немецкого плена и вместе с французскими патриотами боролись против фашистских оккупантов.

Дорогие товарищи! Как вы знаете, во Франции высок накал политической жизни. Поскольку эта страна резко очерченными классовыми противоречиями, там много старых и новых политических партий, которые ведут борьбу между собой и в различной степени влияют на общественность. Казалось бы, что в зависимости от отношения той или иной партии и ее руководителей к Советскому Союзу, от степени их влияния в том или ином районе Франции отношение к нам должно было бы резко меняться. Однако, рассуждая подобным образом, можно было бы впасть в ошибку и прийти к неправильным выводам. В действительности дело обстоит иначе.

Взять, например, Марсель. Это древнейший промышленный и портовый город Франции. Здесь по количеству головорезов, полученных на муниципальных выборах, на первом месте находится Коммунистическая партия. Однако немало марсельцев голосует за социалистов и за представителей правых партий. Маром города там является социалист Леффер. Можно было бы предположить, что эти обстоятельства наложат определенный отпечаток на характер встречи, оказанной нам. Но в действительности и население города, и его власти единодушно проявили исключительное дружественное и радужное отношение к нам. В этом сказывалось несомненно общее для всех реалистически мыслящих французских отношение к Советскому Союзу, к советскому народу, к признанию роли и авторитета нашего государства в борьбе за мир, за разрядку международной напряженности, за разоружение. (Продолжительные аплодисменты).

Характерно в этом отношении и наше пребывание в городе Бордо, где маром является член партии де Голля, председатель Национального Собрания господин Шабан-Дельмас. Он недавно приехал в СССР во главе французской парламентской делегации. Мы беседовали с ним в Москве и он в шутку угрожал, что город Бордо «отомстит» мне за гостеприимство, оказанное его мару в Советском Союзе. Должен сказать, что господин Шабан-Дельмас сдержал свое слово; нас очень тепло, по-дружески встретили в Бордо, — это была добрая «месть». (Оживление в зале, Аплодисменты).

Пользуясь случаем, хочу еще раз поблагодарить всех маров городов и членов муниципальных комитетов, принимавших нас, префектов — представителей правительства в департаментах, министров, сопровождавших нас, за их внимание и заботу по отношению ко мне и товарищам, которые меня сопровождали в поездке по Франции. (Аплодисменты).

Можно было бы долго рассказывать о том, как встречали нас в городах и селениях Франции. Если сбросить со счетов поистине немногие голоса застарелых поборников «холодной войны», которые никак не могут переступить себя и продолжают дуть в старую дуду, то можно с полным основанием сказать, что народ Франции единодушно приветствовал посланцев Советской страны, как своих друзей. По-человечески это очень волновало нас, вызвало чувство гордости за Родину, за Советское социалистическое государство. Мы говорили французам, что передали советскому народу высказанные ими теплые дружественные чувства. И я делал это сейчас с большим удовлетворением. (Бурные аплодисменты).

Думалось еще об одном: о величии ленинского дела, ленинских идей, осуществление которых возвысило нашу Родину, подняло ее к таким вершинам. С благоговением ходил мы по комнатам небольшой скромной квартиры в Париже. В этой квартире в 1909—1912 годах жил и работал, находясь в эмиграции, Владимир Ильич. Здесь заботливо собраны документы, которые напоминали нам о том, как в труднейшей обстановке тех лет великий Ленин — человек железной воли и убежденности —

сбирал революционные силы для грядущих решающих боев. (Бурные аплодисменты).

Мы крепко пожали руки встретившим нас в этой квартире товарищам Торезу, Дюкло и другим руководителям Французской коммунистической партии и поблагодарили их за заботу о памятных местах, связанных с жизнью Владимира Ильича Ленина. (Продолжительные аплодисменты). Под окнами этого дома, дорогого каждому ленинцу, многие тысячи парижан горячо провозгласили лозунги в честь Советского Союза, в честь советско-французского дружбы, за мир и сотрудничество между всеми народами. (Аплодисменты).

22 апреля мы будем отмечать 90-летие со дня рождения Ильича. Триумф коммунистических идей — вот высокий дар ему от признательного человечества. (Бурные, продолжительные аплодисменты).

Дорогие товарищи! Мы встречались с французами не только на улицах городов и в цехах заводов и беседовали не только с представителями официальных властей. Я уже говорил, что нам была предоставлена возможность побеседовать с представителями самых различных организаций. Мы встречались с франко-советской парламентской группой, с делегацией общества «Франция—Советский Союз», с французскими деятелями движения сторонников мира, с представителями доблестного французского рабочего класса — активистами профсоюзного движения.

Мне особенно запомнились встречи с профсоюзными деятелями. Я вспоминаю еще и потому, что я не мог не сравнить ее с той беседой, которую довелось провести в Сан-Франциско с некоторыми лидерами американских профсоюзов. Как мы помнили, во Франции деятели профсоюзов более близки и понятны духом и коренные интересы рабочего человека. С такими людьми интересно говорить, с ними легко найти общий язык.

Представители общественности Франции понимают нас, они ценят нашу миролюбивую политику, хотят дружбы с Советским Союзом, чтобы бороться за мир, за развитие экономических, культурных, научных связей, за сближение между всеми народами.

Товарищи! Было бы, однако, неправильным не видеть, что внутри Франции есть силы, которые активно противодействуют миролюбивым устремлениям французского народа. Эти силы готовы были бы подложить мину под благородное дело борьбы за мир и сохранять состояние «холодной войны». Они, конечно, вынуждены в какой-то мере считаться с волей большинства французского народа и поэтому на время несколько приутихли. Их голоса топили в общем порыве простых людей Франции к дружбе между народами наших стран, к установлению мира на земле.

Но свою подрывную работу они не прекратили. Приведу вам некоторые факты.

Накануне нашего приезда в Марсель ударом ножа в спину был убит один профсоюзный активист, когда он расклеивал на стенах домов плакат «Добро пожаловать к нам, Хрущев!». Похороны убитого из-за угла профсоюзного деятеля вылились в мощную демонстрацию марсельцев, которые ясно выразили свое отношение к провокаторам и убийцам.

Мы должны, таким образом, трезво судить и хорошо понимать, что в государстве, разделенном на противоположные классы, каким является Франция, не может не быть реакционных, фашистских сил. Эти силы стремятся к тому, чтобы оттолкнуть от нас французский народ, стремятся не к дружбе, а к срыву дружбы и обострению отношений между нашими странами.

Хотел бы, дорогие товарищи, несколько подробнее рассказать о нашем пребывании в Дижоне, городе, маром которого является каноник Феликс Кира. Уже про это потому, что он священник, — он не является коммунистом. Это человек с горячим сердцем, с неумолимой энергией и с исключительно добрыми намерениями. Это истинный патриот Франции, боец за ее величие, боец против немецких захватчиков. (Аплодисменты).

Очень волнующая биография Феликса Кира. Ему сейчас 84 года. Еще в первую мировую войну он активно защищал свою Родину. Во вторую мировую войну был в рядах подпольных борцов Франции против гитлеровских оккупантов. Дважды каноник Кир был приговорен к расстрелу. Первый раз он бежал, а во второй раз он вместе с группой французских патриотов был расстрелян гитлеровцами, но раной его оказалась не смертельной, и он остался жив. Уже в течение многих лет дижонцы избрав каноника Кира маром своего города. (Продолжительные аплодисменты).

Этот человек, достойный большого уважения, питает горячие симпатии к Советскому Союзу, к нашему народу, который доблестно и героически боролся против общего врага — гитлеровской Германии. Во время нашего пребывания в Дижоне заместитель мэра вручил мне посылку Феликса Кира. Вот что он писал:

«Лично я должен сказать Вам, что у меня особая симпатия к русскому народу, и это объясняется многими причинами. Прежде всего, я имел возможность быть рядом с русскими, когда они смело и упорно атаковали форт Бримонт в 1917 году. У меня даже была возможность в момент их отступления снабжать их в течение нескольких дней, и в результате этого контакта зародилась взаимная дружба, которая никогда не была нарушена».

Более того, мне известно, что ваше ценное сотрудничество широко способствовало восстановлению нашей национальной независимости. Ваш смелый народ одержал победу над 265 германскими дивизиями, и город Сталинград, в частности, был тем же, чем был для нас Верден во время первой мировой войны, — он окончательно остановил захватчиков.

Никогда мы, французы, не сможем забыть эту историческую страницу. И вот почему каждый год в годовщину победы советский флаг развевается рядом с французским флагом на фасаде нашей городской ратуши. (Продолжительные аплодисменты).

Я могу даже сказать совершенно искренне, что если бы русская армия окончательно не заставила отступить врага, то мы, французы, все еще были бы под игом иностранного господства. Дело в том, что я был весьма точно осведомлен одним дипломатом рейха о том, что Гитлер подготавливал договор, согласно которому Франция должна была быть оккупирована в течение 25 лет. Поэтому я считал своим долгом провозгласить нашу признательность за ту первостепенную роль, которую ваши армии взяли на себя в деле окончательной победы. (Продолжительные аплодисменты).

Замечательные, волнующие слова. Эти слова могут быть написаны только таким человеком, которому дороги мир и счастье людей, дороги дружба и сотрудничество великих народов Советского Союза и Франции. (Аплодисменты).

У меня была надежда встретиться с каноником Киру и пожать его благодарную руку. Но силы, которым не по сердцу добрые и дружественные отношения между нашими народами, помешали встрече. Эти силы оказались вне Франции. Приказом из Ватикана каноник Киру было запрещено встречаться с Хрущевым, как с коммунистом. В кауэн нашего приезда в Дижон он был увезен из города и меня от его имени приветствовал заместитель мэра. И хотя Феликс Кир физически отсутствовал, духовно он был с нами, со всеми теми, кто мужественно, вопреки злым и темным силам реакции, ведет борьбу за мир, за дружбу между всеми народами. (Продолжительные аплодисменты).

Когда мы прибыли в Дижон, было пасмурно. Но нас встречали огромные массы людей. По заявлению заместителя мэра все население города вышло на улицу. И действительно, мы почувствовали тепло, дружеское отношение к нам. Мы ощутили искренность и горячую любовь дижонцев к миру, к дружбе между нашими народами. Тысячи людей скандировали: «Хрущев, освободи Кира!». (Оживление в зале).

Но вы, конечно, понимаете, что, хотя наши симпатии были на стороне каноника Феликса Кира, мы не могли вмешиваться во внутренние дела Франции. Я послал приветствие Феликсу Киру, в котором выразил сожаление, что мне не удалось встретиться с ним, и мысленно обнял его, мужественного патриота Франции и друга Советского Союза. (Бурные аплодисменты).

Товарищи! Мне хотелось бы сказать о встречах и беседах с Президентом Франции генералом де Голлем. И в Париже и в загородной резиденции Президента Рамбуэе мы вели переговоры за столом, беседовали во время прогулок. Это были откровенные, хорошие беседы; они были теплыми, я бы сказал, дружественными.

Накануне моей поездки во Францию в печати западных стран публиковалось много разных пророчеств. Кое-кто каркал, как воронье, что у меня с генералом де Голлем разговор не получится, что мы, мол, люди с разными характерами, что мы поссоримся. Сочиняли много небылиц.

Один буржуазный журналист писал, что он хотел бы во время переговоров сидеть под столом и радоваться, слушая, как мы будем ссориться.

Я доволен, что этот журналист не сидел под столом во время наших переговоров. Если бы он так сидел, то на свете одним человеком стало бы меньше, потому что он покончил бы от злости, услышав наши мирные беседы. (Оживление в зале, Аплодисменты). А зачем терять человека? Надо все-таки верить, что человек даже с самыми дурными наклонностями может исправиться, прибавить к своим плохим привычкам, набраться ума-разума и что он, в конце концов, пойдет в ногу со всеми добрыми людьми. (Аплодисменты).

Во время наших переговоров и бесед с генералом де Голлем мы единодушно пришли к выводу, что развитие отношений между Советским Союзом и Францией в духе дружбы и сотрудничества и установление лучшего взаимопонимания между ними будут способствовать дальнейшему смягчению международной напряженности и укреплению мира в Европе и во всем мире.

Мы пригласили Президента Французской Республики генерала де Голля прибыть в нашу страну с государственным визитом. Президент принял это приглашение, как он выразился, с удовольствием. (Продолжительные аплодисменты). Мы рады этому, так как визит генерала де Голля в Советский Союз даст возможность продолжить наши полезные встречи и беседы.

Я сказал генералу де Голлю, что когда он прибывает в нашу страну, то почувствует, что советский народ умеет ценить доброе отношение, умеет платить сполна, отвечать дружбой на дружбу. (Продолжительные аплодисменты). Уверен, что жители Москвы и других городов, которые посетит Президент Франции, примут его дружественно, с радушием и сердечностью, достойными нашего уважения к Президенту великой Франции. (Бурные аплодисменты).

Во время пребывания в Париже и других городах мы пригласили ряд государственных, политических и общественных деятелей Франции посетить Советский Союз. Мы будем рады, если они прибывают в нашу страну. Такие визиты и контакты очень полезны. Чем больше будет встреч, бесед, диспутов, тем лучше мы будем познать друг друга, крепить мир и дружбу.

Какая-то мистика, а также во время пребывания во Франции я получил много писем и телеграмм, в которых советские люди желали успехов в поездке, просили передать французскому народу искренний привет и пожелания, чтобы дружба между Советским Союзом и Францией укреплялась в интересах мира. Сердечно благодарю всех товарищей, приславших эти письма и телеграммы. Я охотно передаю горячий привет советских людей французскому народу. (Аплодисменты).

Дорогие товарищи москвичи! Вот наш отчет о работе, проделанной во Франции, о встречах и переговорах с генералом де Голлем, о встречах с французским народом.

Как вы знаете, это был первый в истории визит главы Советского правительства во Французскую Республику. Встречи и беседы глав правительств и государств, которые происходили в последнее время, имеют большое значение для оздоровления международного обстановки, для смягчения политического климата.

Особое место займет встреча на высшем уровне, которая состоится 16 мая в Париже. Наша поездка во Францию, переговоры с генералом де Голлем помогут тому, чтобы во время этой встречи главы правительств четырех великих держав выработали совместную точку зрения по важнейшим международным вопросам.

В мире накопилось много сложных и трудных спорных проблем. Отношения между государствами в течение длительного послевоенного периода натягивались и обострялись. Было время, когда они напоминали взведенный курок. Но теперь ведь не время простых выстрелов и пистолетов. Теперь мощные ракеты, атомное и водородное оружие стоят на вооружении великих государств.

Нельзя допустить, чтобы затворились пушки, — надо, чтобы в мире торжествовал голос разума. Ради этого Советское правительство, советский народ не пожалеет никаких усилий. У нас хватит сил, терпения, настойчивости, и мы докажем всем людям земного шара, что мир и счастье могут и должны торжествовать в наш век. (Продолжительные аплодисменты).

Пусть развивается и крепнет дружба между народами Советского Союза и Франции! (Бурные аплодисменты). Да здравствует мир во всем мире! Встают ли? (Бурные, продолжительные аплодисменты. Все встают).

Вчера третий советский искусственный спутник Земли завершил десятидневный оборот вокруг нашей планеты, преодолев почти 447 миллионов километров за 689 суток.

За время реорданного по продолжительности существования в космическом пространстве разнообразная аппаратура спутника позволила выполнить обширную программу исследований верхних слоев атмосферы, — сказал в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» профессор, доктор технических наук Г. И. Покровский. — Третий советский спутник, весящий 1327 килограммов (это почти в 16 раз превышает вес первого спутника), являлся до сих пор непревзойденной космической лабораторией.

Огромная полезная нагрузка космической лаборатории состояла из большого комплекса научных приборов, показания которых непрерывно передавались на Землю при помощи автоматизированной радиосвязи.

Замечательно то, что работа бортовой радиостанции обеспечивалась установленными на спутнике солнечными батареями. Таким образом, практически доказана возможность применения достаточно эффективного источника энергии в космическом полете, впервые реализована идея эксплуатации энергии, имеющейся непосредственно в межпланетном пространстве. Иными словами, теперь можно утверждать, что человек уже приступил

к «эксплуатации» космоса для практических целей.

Значение этого факта чрезвычайно велико, — подчеркнул наш собеседник. — Первая солнечная электростанция в космосе наряду с первой советской атомной электростанцией на земле — это величайшие исторические вехи в развитии энергетики на благо всему человечеству.

Измерения, проведенные при помощи третьего советского спутника, позволили исследовать весьма существенные особенности строения самых верхних слоев атмосферы. Здесь протекают многообразные процессы, зависящие от состояния Солнца, в частности от количества солнечных пятен. Установлено, например, что освещенная часть земной атмосферы на больших высотах плотнее, чем неосвещенная, и что плотность и температура верхних слоев атмосферы над высокоширотными районами (Арктика и Антарктика) существенно зависят от состояния солнечной активности. Эти факты имеют огромное значение для метеорологии всего земного шара, в том числе для дальнейшего уточнения и улучшения долгосрочных прогнозов погоды.

Результаты исследований, выполненных с помощью третьего советского искусственного спутника Земли, существенно расширили наши знания о верхней атмосфере и еще раз продемонстрировали прогрессивный и мирный характер передовой советской науки.

ЕСТЬ ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ!..

Вчера третий советский искусственный спутник Земли завершил десятидневный оборот вокруг нашей планеты, преодолев почти 447 миллионов километров за 689 суток.

За время реорданного по продолжительности существования в космическом пространстве разнообразная аппаратура спутника позволила выполнить обширную программу исследований верхних слоев атмосферы, — сказал в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» профессор, доктор технических наук Г. И. Покровский. — Третий советский спутник, весящий 1327 килограммов (это почти в 16 раз превышает вес первого спутника), являлся до сих пор непревзойденной космической лабораторией.

Огромная полезная нагрузка космической лаборатории состояла из большого комплекса научных приборов, показания которых непрерывно передавались на Землю при помощи автоматизированной радиосвязи.

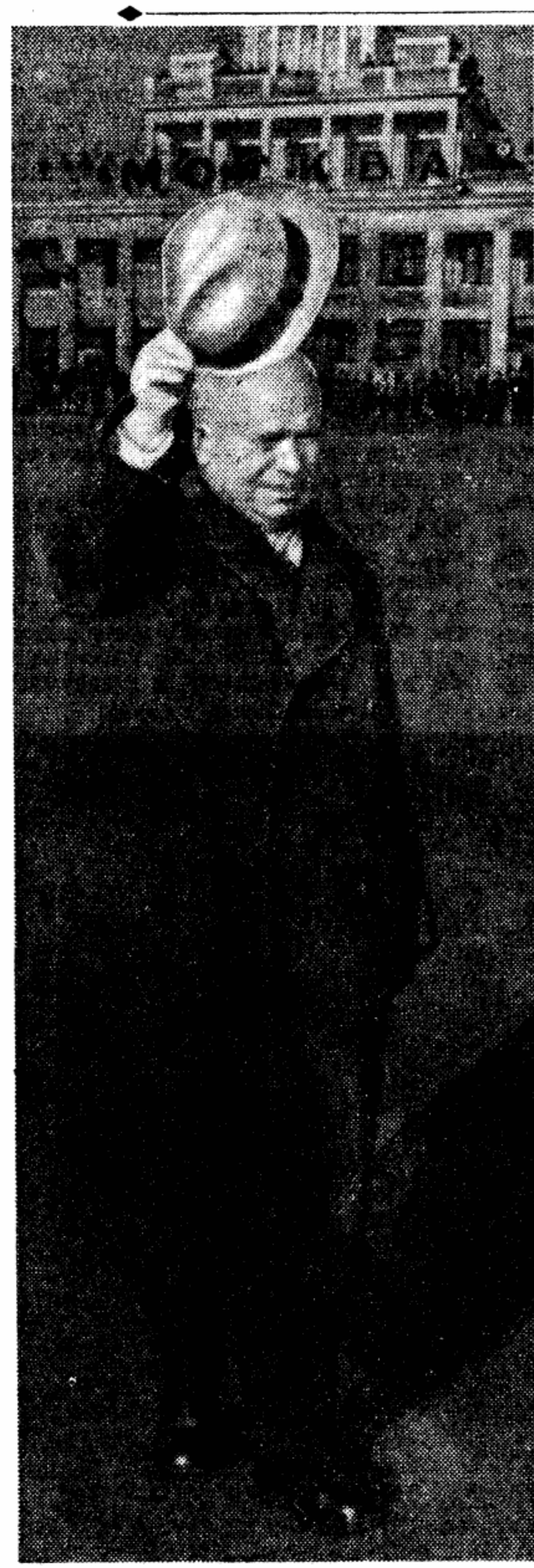
Замечательно то, что работа бортовой радиостанции обеспечивалась установленными на спутнике солнечными батареями. Таким образом, практически доказана возможность применения достаточно эффективного источника энергии в космическом полете, впервые реализована идея эксплуатации энергии, имеющейся непосредственно в межпланетном пространстве. Иными словами, теперь можно утверждать, что человек уже приступил

к «эксплуатации» космоса для практических целей.

Значение этого факта чрезвычайно велико, — подчеркнул наш собеседник. — Первая солнечная электростанция в космосе наряду с первой советской атомной электростанцией на земле — это величайшие исторические вехи в развитии энергетики на благо всему человечеству.

Измерения, проведенные при помощи третьего советского спутника, позволили исследовать весьма существенные особенности строения самых верхних слоев атмосферы. Здесь протекают многообразные процессы, зависящие от состояния Солнца, в частности от количества солнечных пятен. Установлено, например, что освещенная часть земной атмосферы на больших высотах плотнее, чем неосвещенная, и что плотность и температура верхних слоев атмосферы над высокоширотными районами (Арктика и Антарктика) существенно зависят от состояния солнечной активности. Эти факты имеют огромное значение для метеорологии всего земного шара, в том числе для дальнейшего уточнения и улучшения долгосрочных прогнозов погоды.

Результаты исследований, выполненных с помощью третьего советского искусственного спутника Земли, существенно расширили наши знания о верхней атмосфере и еще раз продемонстрировали прогрессивный и мирный характер передовой советской науки.

Внуковский аэродром. Москвичи встречают Н. С. Хрущева, вернувшегося из поездки во Францию. Фото М. Трахмана

ПЕРВОМУ СЪЕЗДУ КОМПОЗИТОРОВ РСФСР

Бюро Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза по РСФСР и Совет Министров РСФСР горячо приветствуют делегатов Первого Всесоюзного съезда композиторов и в вашем лице всех творческих работников многонационального музыкального искусства Российской Федерации.

Съезд композиторов РСФСР проводит свою работу в замечательное время. Успешно завершён первый год великой семилетки, открывшей период развернутого строительства коммунизма в нашей стране. Благодаря усилиям Советского Союза политика мирного сосуществования и сотрудничества со всеми странами неодолимо завоевывает поддержку и доверие всех миролюбивых народов. В эти дни советские люди, как никогда, преисполнены оптимизмом, душевным подъёмом и радостью созидания. Их самоотверженный труд и беззаветная борьба за дело коммунизма, за мир во всем мире являются неиссякаемым источником вдохновения советских деятелей искусства. Почетный долг композиторов — воспеть величие дел наших современников, всемирно-исторические победы марксизма-ленинизма.

Создание Союза композиторов Российской Федерации будет способствовать объединению и сплочению всех творческих музыкальных сил РСФСР. Союз призван помочь деятелям музыкальной культуры быть тесно связанными с жизнью народа, создавать яркие произведения на темы современности. Проблемы действительности и мастерства, народности и реализма должны быть в центре внимания Союза композиторов РСФСР.

Перед композиторами Российской Федерации стоит задача даль-

нейшего творческого развития и обогащения великих национальных традиций классической и народной музыки, а также борьбы против проникновения в музыку чуждых влияний, философских пессимизма и формализма.

Композиторы должны всемерно приближать свое творчество к народу, добиваясь, чтобы музыка широко вошла в быт советских людей и воспитывала высокие эстетические вкусы. Необходимо уделить систематическую помощь художественной самодельности, народным театрам, содействовать работе университетов культуры.

Новому Союзу композиторов надлежит всесторонне развивать общественные принципы работы, больше заниматься творческими вопросами, воспитанием композиторских кадров, особенно молодых.

Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совет Министров РСФСР выражают уверенность, что высокая идейность в художественном творчестве, неразрывная связь с практикой коммунистического строительства помогут композиторам Российской Федерации создавать произведения, достойные нашей великой эпохи.

Товарищи композиторы! Творите искусство высокой поэзии, создавайте музыку, украшающую жизнь и вдохновляющую советских людей на новые славные подвиги!

Бюро Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза по РСФСР
Совет Министров РСФСР

Один день с Грэмом Грином

ВТОРОГО апреля на реактивном самолете «Комета-4Б» прилетел из Лондона в Москву известный советским читателям английский писатель Грэм Грин, а сегодня, во вторник, уже улетел домой. Когда наш корреспондент спросил писателя, с чем связан его «креативный рейс», Грин ответил:

— Английская авиакомпания «БЕА» пригласила меня принять участие в этом первом рейсе «Кометы» в СССР в качестве почетного пассажира, и я охотно принял приглашение. Побывать в Москве, познакомиться с русскими друзьями, побывать на инсценировке собственного романа в Московском театре драмы и комедии, где на сцене ожидал «Тихий американец», наконец, сходить в балет — да разве из-за всего этого не стоит провести каких-нибудь три с половиной часа в воздухе?

— Вы были прежде в Москве?

— Это мой четвертый визит в Советский Союз, — ответил Грин. — В 1957 году, направляясь в Пекин, я находился здесь лишь день. На обратном пути из Китая я провел в Москве два дня — они промелькнули, как две минуты. Затем я приехал в Москву со своим 22-летним сыном Фрэнсисом. Мы гостили в СССР десять дней. Пожили в Москве, съездили в Ленинград, сравнительно неторопливо знакомясь с советскими людьми. И знаете, что больше всего меня поразило? Во-первых, удивительное гостеприимство! Во-вторых, Кремль. Должен вам заметить, что у нас в Лондоне, имеется много фотографий и рисунков Кремля. Но они не передают колорита, волшебной красоты этого великого архитектурного ансамбля, в котором столь ярко воплотился русский стиль. Наконец, меня поразила Ясная Поляна. Еще мальчишкой я начал читать книги Пушкина, Толстого, Достоевского, Чехова, Тургенева... Больше всего меня увлекли произведения Толстого и Чехова. Естественно, что, приехав в СССР, я не смог не посетить Ясную Поляну и пушкинскую квартиру в Ленинграде. Здесь я испытал великое волнение души, знакомое, вероятно, всем, кому дорога сокровища мировой культуры. Меня потрясла прекрасная Ясная Поляна... И вот в четвертый раз я встретился с Москвой, как со старой доброй знакомой. Я надеюсь, что приеду в Москву снова, ибо я следую правилу — всегда возвращаться!

— Знаете ли вы, что ваши романы «Тихий американец» и «Наши герои в Гаване» пользуются у нас в стране большой популярностью?

— Да, мне рассказывали об этом, и не скрою, это приятно писателю. Мне говорили, что в СССР их прочитали миллионы людей... Это очень приятно!

— Читателям интересно узнать, чем вы сейчас заняты, что пишете?

— Перед тем, как ответить на этот вопрос, хочу заметить, что мною написано более двадцати книг. Возможно, для советского читателя представит интересны новые переводимый моим другом Борисом Изаковым роман «Суть дела», а также такие мои книги, как «Власть и слава» и «Тайный агент». Теперь у моей новой небольшой кнители. Некоторое время назад я прожил семь месяцев в Бельгийском Конго. Здесь я следую правилу — всегда возвращаться!

поне довелось близко наблюдать жизнь людей в лепрозории. Я пишу не политический роман, а рассказ о людях, попавших в тяжкую беду. Пона это все, что я могу сказать о новой книге, которую над которой я, видимо, закончу этим летом. Из последних работ последнего лет можно назвать еще книгу «Покладистый любовник», которую вот уже почти в течение года играет «Глоб-театр» в Лондоне. Это моя четвертая пьеса, что не так много, но ведь в жизни писателя достаточно других дел и забот...

— Как вы организуете свой день?

— Мне кажется, рабочий день — проблема сугубо индивидуальная для каждого писателя. Я живу в центре Лондона, возле Пикадилли-сквер. На улице шумно, а у меня в квартире — тишина. Это, вероятно, потому, что наш старый дом стоит в глубине улицы. И все же чаще всего я не пишу в Лондоне, а уезжаю к морю, в Брайтон, или отправляюсь в Италию... Если я накануне решил, что сегодня буду писать, то непременно встаю не позже восьми часов утра. После завтрака сразу же сажусь за письменный стол. За день пишу не более пятисот слов. Этого черновика, который, естественно, потом шифруется и перерабатывается. Когда пятисот слов написаны, можно отдохнуть, побродить. Больше всего я люблю прогулки и, возможно, поэтому чаще пишу в путешествии.

— Как часто?

— Судите сами. 1951—1955 годы я провел в Лондоне в качестве корреспондента Восточной «Санди таймс» и парижской «Фигаро». Во время второй мировой войны пятнадцать месяцев я прожил в Западной Африке. Несколько месяцев был в Бельгийском Конго. Наконец, поездки по Европе, в Советский Союз и другие страны... Писателю полезно, даже нужно много ездить.

— Что, по-вашему, наиболее характерно для современной английской литературы?

— Мне кажется, поэзия была и остается ведущим жанром в английской литературе, как в русской — роман. Взглянув на часы, Грэм Грин извинился: все три дня в Москве расписаны по минутам.

— Виновать, меня жгут, и я тороплюсь... Давайте вечером встретимся в Театре драмы и комедии, на инсценировке «Тихого американца» — там и договоримся...

...Вероятно, московский театр на Таганке давно уже не подвергался такому штурму, как это было в субботу, 2 апреля. «Тихий американец» здесь идет почти два года, идет с непрекращаемым успехом... Но в этот вечер народу было особенно много.

Зрительный зал встретил Грэма Грина, который приехал в театр с Алексеем Суриковым, бурным, сердечным аплодисментами. Кинооператоры и фотоператоры атаковали английского писателя, пока, наконец, не начался спектакль и мы не оказались в далеком Вьетнаме.

Во время первого антракта Грина штурмовали любители автографов. Во втором антракте некоторые нетерпеливые репортеры спрашивали у него:

— Вам нравятся спектакли?

— Да, это честная попытка инсценировать очень трудный для театра роман, — ответил он.

— Я очень благодарен коллективу театра, режиссеру, директору и зрителям за то, что нынешний вечер принес мне столько волнующих переживаний, — ответил Грин. — Я надеюсь, что вы не последуете примеру некоторых американцев, которые поставили знак тождества между героем романа Фаулнером и мной... Но есть кое-что и общее между нами. В декабре 1952 года в Северном Вьетнаме я увидел трупы женщины и ребенка, лежащие во рву. И как Фаулнер, я тогда возненавидел войну!

Грэм Грин
Рисунок М. Вранайона

После прошедшего с большим успехом спектакля артисты пригласили Грина за кулисы. В дружеской беседе, поделившись своими впечатлениями о спектакле, добродушно отозвавшись о режиссерской работе, игре актеров, искусстве художника, писатель сказал:

— Спектакль очень близок к тексту романа, гораздо ближе, чем американский фильм. У них героем стал Пайл, а Фаулнер превратился в глухого англичанина, ставшего орудием коммунизма... Я очень рад, что мне довелось увидеть ваш спектакль.

— Что бы вы хотели сказать читателям «Литературной газеты»?

— Этого вечера в театре и вся эта встреча с Москвой меня глубоко взволновали. Я надеюсь, что наши страны могут и должны жить в мире и доверии. Сейчас об этом говорит все, и это истина. Мы в Англии чувствуем, что в мире стало теплее, чем шесть лет назад. У нас в Англии дружески относятся к Н. С. Хрущеву, и мы желаем ему доброго, крепкого здоровья. А читателям «Литературной газеты» я напишу коротенькую записку. Хорошо?

Публикуемый ниже автограф подводит черту большому интересному дню, о котором Грэм Грин сказал:

— В Москве ликует весна!

Я счастлив быть снова в Москве,
Грэм ГРИН
Москва, 2 апреля 1960 г.

И на этот раз в Москве весна!

Apr. 2 1960
Грэм Грин

ПЕРВЫЙ, УЧРЕДИТЕЛЬНЫЙ

ВЧЕРА в Кремлевском театре открылся Учредительный съезд композиторов Российской Федерации. Среди делегатов — виднейшие деятели советской музыкальной культуры: Д. Шостакович, Ю. Шапорин, А. Хачатурян, Т. Хренников, Д. Кабалевский, В. Соловьев-Седой, Ван Мурадели, М. Коваль, А. Новиков, А. Александров, Н. Жиганов, Э. Исмаилов, М. Кажлаев, К. Массалитин и другие.

Тепло встретили собравшиеся товарищи А. Б. Аристов, П. Н. Поспелова, Д. С. Полискова.

Съезд открыл один из старейших советских композиторов Ю. Шапорин. Он сказал, что консолидация творческих музыкальных сил республик и областей в развитии русской советской музыки. Развитие нового творческого союза, подчеркнул композитор, должны быть вечно живые слова великого Ленина: «Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс».

Горячими аплодисментами встречают делегаты съезда предложение избрать почетный президиум в составе Президиума ЦК КПСС.

В зале вновь звучат аплодисменты, когда заведующий отделом ЦК КПСС по РСФСР Н. Д. Казьмин оглашает приветствие участникам съезда от имени

Рука на дружбу

НЕСКОЛЬКО лет назад Якутию посетил группа иностранных журналистов. Среди них был и известный французский публицист Пьер Энтис. Как многим откровениям подготовки съезда Парижанин, собирався на другой край планеты, в страну неистовых холодов. И все же одно открытие было для него совершенно неожиданным: в далекой Якутии не только хорошо знают о жизни французского народа, но и искренне любят его.

И совсем уже изумил Парижанина Оймякон — полюс холода. Оймяконские школьники преподнесли ему в подарок свою стенную газету на французском языке, а их учитель показал библиотеку французских книг и приемник, у которого он с ребятишками слушает на французском передачу из Ханоя. За десять тысяч километров от нашей страны он обнаружил нашему языку якутских ребят! — писал потом Энтис. — Разве это не удивительно!

ЯКУТЫ читают французских авторов на своем родном языке — книги переводят и издали местным издательством. В ближайших творческих планах национального театра пьеса А. Гатти «Алгушка-буйка», автор которой был в свое время гостем у эвенкийских артистов.

В Якутском филиале Сибирского отделения Академии наук СССР мы познакомимся с учеными, работающими над актуальными проблемами параллельно со своими парижскими коллегами. В филиале во Франции нередко приходят книги, вызывающие большой интерес у якутов. Письма с берегов Сены идут и в личные адреса ученых.

Научный сотрудник Института языка, литературы и истории Евдокия Коркина и ее муж вместе с группой туристов из Якутска ездят во Францию. В маленьком городе Монтеприане познакомился с семьей рабочего Мишеля Моржана, пережившего и героические дни маки, и кошмар Освенцима. Двое ребят у ученой из Якутска. Дети, которым нужен мир и много света, солнца. И уже одно это — надежная основа для дружбы двух семей, между которыми сейчас завязалась оживленная переписка.

ВСЕ БОЛЬШЕ друзей Франции в Якутии. Все больше друзей Якутии во Франции. Что касается Пьера Энтиса, то он после своего памятного путешествия на полюс холода стал постоянным горячим другом якутского народа. Недавно в газете «Кыым» («Искра») было опубликовано его письмо журналистам Якутии.

«Мы восхищаемся вашими успехами в первом году грандиозной семилетки. Крепнущая дружба между народами Франции и СССР сражает наше сердце. Если бы вы знали, как велик у французского народа интерес к Якутии! Пусть нынешний год станет годом, когда со страниц газет навсегда исчезнет понятие «холодная война»...»

Отличные слова! Под ними с радостью подпишется каждый из нас.

В. ЛИТВИНОВ
ЯКУТСК

огромный вред себе, веря в собственные, утешительные для него вымыслы. Он говорил: чтобы выиграть «мирную войну», предложить коммунизмом, ему, «свободному» миру, надо прямо смотреть правде в глаза, учитывать не только промахи и слабые стороны, но и нарастающие силы и успехи противника. И вот теперь, не без сарказма поглядывая в сторону французского журналиста, ставшего своим другом, я думаю, что, вероятно, тоже нельзя заподозрить ни в особых симпатиях к коммунизму, ни в особых стремлениях к дружбе с Советским Союзом. «Глубокие неприязни и затруднения, которые причиняет вам визит господина К., — пишет читатель, — заставили меня усомниться в вашем искреннем стремлении к миру. Читая вашу газету, можно полагать, что вы горячо желаете разрыва и явной враждебности к Советскому Союзу...»

Очень сожалею, я покладу вас и хочу сказать, что вместе со мной вы потеряете большую группу читателей...

Ну что ж, уми Денис, лучше не напишите! Выразительное письмо. Что может быть убедительней для редактора, чем пачка подписных талонов, брошенная ему на стол постоянными читателями? Триумф поэзии главы Советского правительства по городам Франции наглядно показал миру, что не только коммунисты, не только люди заведомо прогрессивных убеждений, но все здравомыслящие французы (даже католики читатели «Фигаро») мечтают о мире на земле, о восстановлении традиционной дружбы с Советским Союзом, о замене обанкротившейся, опротивевшей народом политики «с позиции силы» политикой терпеливых конструктивных переговоров за круглым столом.

Никита Сергеевич проехал по Франции, как говорится, влодь и поперек — от Бордо до Лилля, от По де Рейса, от Вердена до Руана. Всюду на пути послания мира и дружбы простой девиз «За здравствует мир на нашей старой земле!» встречал самый горячий отклик французам. Маны городов, лопы, принадлежащие к разным партиям, принимая советского гостя, находили с ним общий язык — язык мирного сосуществования. Это само по себе было знаменательным показателем, ибо собеседники главы Советского правительства были люди, умеющие чувствовать направление общественной мысли, люди, не могущие не считаться с мнением своих избирателей.

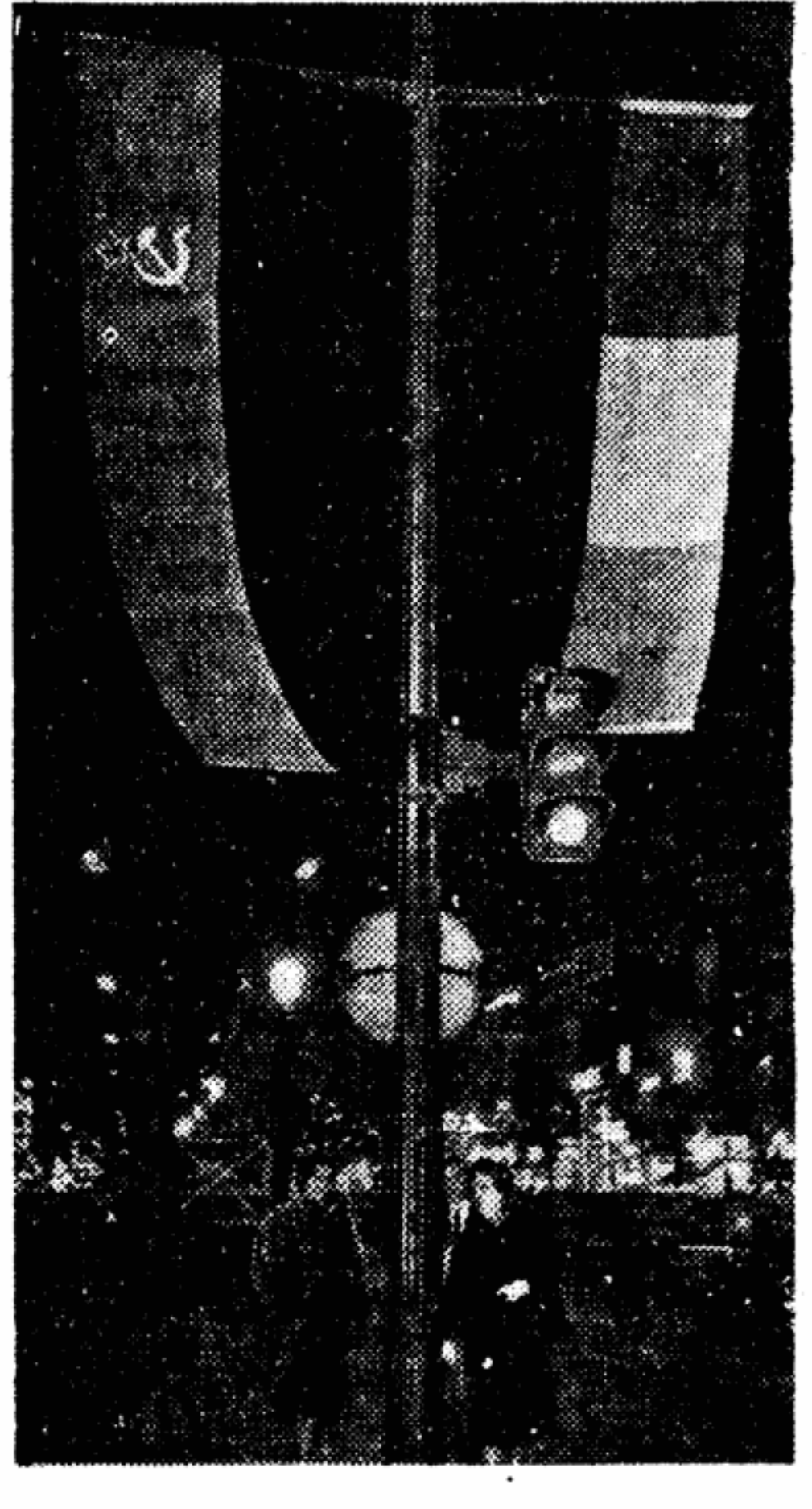
Если попытаться представить успех визита графически, его можно изобразить как кривую, круто поднимающуюся вверх. И кульминационная точка кривой — Париж, где началась и завершилась поездка. Это нарастание симпатий французам можно проследить и по росту

корреспонденции, поступающей в эти дни адресованной посылкой во Францию. Перед началом визита туда приходило по 40—50 писем в день, а к концу пятой корреспонденции выросло до 300—350 писем. На конвертах были штамплеты всех городов страны. Груды писем! Их едва успевали вскрывать. Это были послания простых французов и французского народа разных взглядов. Но лейтмотивом, проливающим через весь этот лоток почты, были мир, дружба, стремление к укреплению связей Франции с Советским Союзом.

Эти листы бумаги были порою исписаны мало понятными почерками рабочих, крестьян, не сильных в грамоте. Но от этого не угасла, а наоборот, разгоралась сила писем, как бы вырвавшихся из простых сердец. В них звучало глубокое уважение к Советскому Союзу, к советскому воинам, разбившим общего врага — гитлеризм, к советским людям, запустившим спутник, лунника, сфотографировавших сани, как писал один внофел, «плещ Луны». И выражалась надежда, что взаимопонимание между самыми крупными странами континентальной Европы преградит путь к войне.

Молодой дипломат, знакомивший меня с этой почтой, брал конверты без выбора из огромного вороха, лежавшего на его столе. В конце войны он, вероятно, еще бегал в школу и уж, конечно, не мог понять ужасов гитлеризма, о которых писали безвестные корреспонденты Никите Сергеевичу. Голос его по-юношески дрожал, когда он читал вслух эти послания. А я слушал и вспоминал слова Жан-Ришара Блока, которого имел честь знать когда-то и который, вернувшись из нашей страны на родину, написал: «Я прожил в СССР около четырех лет. И основное впечатление, так сказать, хребет нашего представления о Советском Союзе, — это чувство глубокого братства, полное и всеобщее единство всего советского народа». И, как явствовало из писем, это ощущение большого французского писателя ныне живет в народе.

Нет, коллега из правой французской газеты, вы были неправы, пытаясь объяснить иностранным журналистам тепло встреч на всем огромном маршруте поездки Н. С. Хрущева лишь «демонстрациями коммунизма». Мы глубоко уважаем боевую и закаленную Компартию Франции, ее традиции, ее крепкое руко-

На Елисейских полях в дни визита Н. С. Хрущева.
Фото В. Соболева

Париж слушал...

В КОРРЕСПОНДЕНТСКОМ автобусе, мчавшемся со скоростью сто километров в час в хвосте почетного кортежа в Париже, я стал свидетелем знаменательного, на мой взгляд, спора. Легендарный Ноев ковчег напоминал этот комфортабельный туристский автобус, привитый представителей прессы различных стран, различных и, скажем честно, прямо противоположных убеждений. Спорили, конечно, об итогах поездки Н. С. Хрущева во Францию. В споре участвовали лишь наши западные коллеги, ибо советские корреспонденты и журналисты социалистических государств в это время смотрели на происходящее мимо страны, фотографировали людей, что там и тут группами стояли на перекрестках дорог, на тротуарах маленьких городков, в парках, в руках, платках, беретами, а иногда и флагами, встречали и провожали стремительно несущуюся вереницу машин.

Французский коллега, высокий, худой человек в подчёрнутом элегантном костюме, довольно известный публицист одной из крайних правых газет, выявляя тенденцию дружественной населения, кричал тонкие гуды:

— Коммунизм... Их работа.

Напоскок от него сидел корреспондент крупного западного телеграфического агентства. Мы не раз встречались с ним на разных международных ассамблеях, и я несколько не сомневался в том, что его мышление прямо противоположно моему. Но этот человек признавал факты и только факты. За несколько дней до того в кругу коллег в горячем споре, каких немало вспыхивало в эту поездку, он уверял, что «свободный», как он выражался, мир наносит

Борис ПОЛЕВОЙ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

равшегося объяснять блистательный успех визита главы Советского правительства лишь «вознями» и «ловкостью» французских коммунистов, он пропел свисток звель вместе с папиросным дымом:

— Но ведь во Франции, как мне кажется, у власти не Морис Торез, а генерал Шарль де Голль, А?

Этот спор об итогах визита вспомнил мне на следующий день, когда в газете «Фигаро», которую даже покойный американский сенатор Джек Маккарти не решился бы обвинять хоть в каких-нибудь симпатиях к Советскому Союзу, были помещены два многозначительных материала.

Один из них — подсчет того, сколько места французская пресса уделяла визиту главы Советского правительства. Любопытный подсчет! «Фигаро», явно хлестая своим антисоветизмом, отбуксовывала его, по-видимому, не без гордости: «Фигаро» — 1/3 часть каждого номера газеты, «Орор» — 1/5, «Парижэн лебер» — 1/6, «Франс-стар» — 1/4, «Пари-пресс» — 1/5, «Архив» — 1/5, «Юманите» — 1/2.

Итак, согласно таблице, «Фигаро» писала о визите меньше других. И каков же результат, чем это для нее окончилось? Не знаю уж, как это произошло, но газета сама дала на это ответ, опубликовав в разделе «Читатели имеют слово» письмо М. Ж. Г. из Версаля. Вот оно, письмо постоянного читателя «Фигаро» и, следовательно, француза, которого,

Издано
СОВЕТСКИМ
ПИСАТЕЛЕМ

Биланов Г. Пляж земли. Повесть, 256 стр. 30 000 экз. 3 руб. 10 коп.

Борков В. Причуды бабьего лета. Рассказы и повесть, 180 стр. 30 000 экз. 3 руб. 85 коп.

Георгиевская С. Тарасик. Повесть, 212 стр. 30 000 экз. 4 руб. 10 коп.

Гулов А. Горное гнездование. Стихи и поэмы. Авторский перевод с египетского А. Кронгауза. 74 стр. 2 000 экз. 1 руб.

Дружинин П. Большая земля. Избранные стихи. 2-е дополненное издание. 208 стр. 2 000 экз. 3 руб. 85 коп.

Иванов В. Мы едем в Индию. Роман. 617 стр. 30 000 экз. 10 руб. 70 коп.

Капица П. В дни разлуки. — Боксеры. — Синий пят. 610 стр. 75 000 экз. 9 руб. 90 коп.

50-ЛЕТИЕ
ЮРИЯ ГЕРМАНА

Известному советскому писателю Юрию Павловичу Герману исполнилось 50 лет. Он начал печататься в 1920 году в газете «Нурская правда», а в 1927 году выпустил свой первый роман «Развал из парикмахерской». Перу Юрия Германа принадлежат книги, рассказы, повести и приключенческие рассказы, а также романы «Смерть смеется», «Пирог», «Доктор Наполеон», «Дело Румянцева».

В связи с юбилейной датой секретариат правления Союза писателей СССР направил Ю. Герману телеграмму, в которой говорится: «Сердечно поздравляем Вас, уважаемого Юрия Павловича с днем Вашего пятидесятилетия. Желаем Вам здоровья, счастья, новых творческих удач». Приветствие направило юбилюру и правление Союза писателей РСФСР.

Решив проститься с Парижем, мы заранее попросили шофера провезти нас по историческим, с юности знакомым нам местам. За стеклом автомобиля проплыли контуры площадей Бастилии, на асфальте которой белой краской начерчены линии фундамента былой тюрьмы; массивное здание, у которого была провозглашена Парижская Коммуна; каменные Пер-Лазез, где в близком соседстве под самым распухшим бугром покоятся останки парижских коммунаров и героев французского Сопротивления. Бешущую в потные от жары щеки мимо нас тесная улица Марс-Роз, где в скромной квартире жил В. И. Ленин. И в мгновение, когда Париж показывал нам эти свои дорожки для нас места, в репродукторе звучал все тот же энергичный голос, рассказывавший французам о первой в мире стране социализма, о героизме ее людей, о том, как то, когда-то неясно вырисовывалось в мечтаниях великих французских Фурье, Сен-Симона, за что умирали парижские коммунары, воплощается в жизнь советскими людьми.

В столице Франции нет удлинных репродукторов. Но в машинах радио есть. И, проезжая мимо стоянок, мы видели, как люди, склонясь к раскрытым дверцам, слушали рассказ о победах и мечтаниях советского народа, слова о мире и дружбе. И мы видели: Париж слушает, внимательно слушает речь Никиты Сергеевича. Париж задумался. Париж размышляет.

И это было хорошим штрихом, как бы завершающим необыкновенно интересные впечатления последних десяти дней.

ПАРИЖ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
№ 41 5 апреля 1960 г. 3

ИСКУССТВО — ПЕСНЬ ЖИЗНИ

В ПОНЯТИЕ культуры входят не только театр, музыка и другие формы искусства.

Показателем культуры служат все — школы, в которых мы учимся, дома, в которых мы живем, заводы и фермы, на которых мы работаем, улицы, по которым мы ходим, простые предметы домашнего обихода, которыми мы пользуемся за столом, пакеты, в которых мы приносим домой еду, даже переплетки книг, которые мы читаем, одежда, которую мы носим, наши движения, наш образ жизни, самый характер нашего существования. Понятие культуры относится к тому, что мы делаем, а не к тому, что мы имеем. Понятие культуры относится к тому, что мы делаем, а не к тому, что мы имеем. Понятие культуры относится к тому, что мы делаем, а не к тому, что мы имеем.

Каждая пьеса, в какой бы манере она ни была написана, непременно отражает в той или иной форме жизнь окружающих драматурга людей — тех, с кем он работает и живет, тех, кого он видел и наблюдал в самых различных местах, где ему довелось побывать. Он пропускает все эти впечатления через себя — через свой ум и фантазию — и использует возможности, предоставляемые ему пьесой, для постановки так называемой пьесы (в стихах или в прозе).

Разумеется, знание театральной и сценической техники очень важно и полезно для драматурга, ибо оно позволяет ему ограничить действие определенным местом и временем, но главное — это творческое воображение. Ведь именно воображение, творческая мечта лежат в основе всех свершений человечества: она высекла искры, из которых разгорелась американская революция, она явилась толчком, побудившим Дарвина разработать эволюционное учение, она дала миру учение Ленина, воспламенившая людей, она подарила нам пьесы и сонеты Шекспира. Творческое воображение драматурга — залог неугаваемой жизненной силы его творений. Именно эта сила отличает хорошую пьесу от плохой. Писней для творческого воображения могут служить только окружающая жизнь и весь тот опыт, который мы из нее черпаем.

Современная драма находится под влиянием метода, который можно определить как реализм, достигший с помощью «иллюзий»: она находится под влиянием исторических образовательных средств театра и сцены с просцениумом. Один английский критик писал: «Все пьесы, поставленные на сцене, кажутся зрителю отчужденными от него мир; зритель глядит на него со стороны, и он, этот мир, предстает перед ним приукрашенным и принаряженным, каким создается его современное средство сценического изображения». Приукрашенным и принаряженным! Ну, а если эти средства не будут поущены в ход? Что же тогда, значит, пьеса погибла? Значит, ее нельзя будет ни смотреть, ни слушать, и она станет нереальной, как химера? Но ведь в те времена, когда впервые были поставлены пьесы Шекспира, современных сценических средств еще не было и в помине и вся «иллюзия» создавалась магической силой поэзии драматурга и его блистательного слота, которые в свою очередь были порождением его творческого воображения.

К слову говоря, сцена с просцениумом как раз восходит к эпохе портшезов, сальных свечей, факелчиков, дам и господ, раздетых в шелка и атлас и бесконечно далеких от народа. В Древней Греции театр предназначался для народа — как для простодушного, так и для образованной публики; то же самое было и в эпоху Шекспира. Но когда появился просцениум, то и сам театр и драматургия оторвались от народа. Театр нередко становится театром щеголей — пусть очень умных, но все-таки щеголей, — которые были твердо уверены, что пьесы должны быть предназначены исключительно для их развлечения.

В английском и американском театрах происходит сейчас довольно сходные процессы, несмотря на то, что наши драматурги и актеры отказались от неперстойного веселья, столь любезного сердцу щеголей, и стали изображать отчаяние, безысходность и безнадежность, каковые, по их мнению, составляют суть человеческой жизни. Зрители, соглашаясь с драматургами. В результате английский театр снова становится театром избранных.

Американский критик Брукс Аткинсон писал в «Нью-Йорк таймс» по поводу театрального сезона

1959/60 г.: Это был жалкий сезон. У тех, кто следил за нашей театральной жизнью с самого начала сезона, то есть с августа 1959 г., и просмотрел 54 новых постановки, есть достаточно веские причины для разочарования.

Прошлый сезон, в общем и целом, был довольно банальным, но нынешний пока что еще хуже. Хотя театр еще держится с помощью разных технических ухищрений, у него нет никакого направления, нет никакого созидательного начала, которое побуждало бы его обращаться к важнейшим сферам мысли и чувства».

Статья опубликована 4 января 1960 г. и, стало быть, представляет собой отчет о сегодняшнем положении в драматических театрах Нью-Йорка. Картина довольно печальная.

На лондонской сцене ситуация точно такая же, как на нью-йоркской. Здесь идут такие же убогие пьесы, ничего не говорящие ни уму, ни сердцу. В них нет ни искры жизни, а подчас и ни капли смысла. На днях по лондонскому телевидению передавали отрывки из пьесы под названием «Маятник качается только в одну сторону». Во вступительном слове ведущий сообщил телезрителям, что пьесу эту не в состоянии понять ни один человек на свете. Так обстоит дело с большинством наших новых пьес — они не только убоги, но и непонятны, как христианский догмат триницисты. Лондонским театрам удается сводить концы с концами только благодаря публике, занимающей первые ряды партера, а эти места по ирландии заняты состоятельными людьми. Именно эта публика и поощряет или пьесы пошлые, или заунывные. Серьезному и талантливому драматургу, выходящему на сцену, приходится бороться с юмором, не под силу преодолеть эти барьеры.

Так обстоит у нас дела. Мы намного нас обогнали. 11 января лондонская «Таймс» поместила статью о театральном строительстве в СССР и снимок, на котором изображен макет Ленинградского театра юного зрителя. По-видимому, это будет чудесное здание, отлично приспособленное к дальнейшим новшествам в области сценической техники. Вот бы нам такой! Вы шагаете вперед, а у нас — упадок и развал как в области театрального строительства, так и в области драматургии.

Десять лет тому назад в Лондоне на южном берегу Темзы, был отведен участок для строительства Национального театра, и парламент вотировал на это 1 млн. фунтов стерлингов, оговорившись, что средства будут выделены, когда позволит экономическое положение страны. Но пока что такой благоприятный момент не наступил, и на том месте, где должен быть Национальный театр, по-прежнему лежит пустырь; он сохнет под летним солнцем и снова мокнет под осенними дождями, наводя на лондонцев уныние и тоску.

Этот пустырь — символ упадка английского театра. Брукс Аткинсон пишет: «Все внимание драматурга уделяется ничтожным фрейдистским комплексам, а это — знамение времени. Когда цивилизованный мир не имеет сил и энергии, чтобы взяться за крупные проблемы, он начинает увлекаться мелочами. Жизнь упрощается, мельчает, и кушетка психоаналитика становится излюбленной трибуной, с которой вещают герои драм».

Признаюсь, это не слишком оптимистичный прогноз для развития театра в странах английского языка. Я не берусь судить о том, какое будущее ждет театр, — это зависит от многих обстоятельств. Но я не согласен с теми, кто считает, что в театре не должно быть места эмоциям (по-видимому, такова была точка зрения Брехта); по моему, эмоция — это внутренний жар жизни. Мы все испытываем их — в радости и в горе, в невзглядах и в страхе. Мы испытываем их при рождении детей, на свадьбах и похоронах. Мы испытываем их в моменты больших свершений. Даже бесстрастным ученым знаком этот трепет. Ваших ученых, наверняка, охватила дикующая радость, когда они запустили в космос первый спутник Земли.

Я считаю, что в драме должны сочетаться все виды искусства: архитектура и живопись (декорации), музыка (ансамблем и песне и танцу), литература (текст пьесы).

Мне хочется подчеркнуть еще одно важное обстоятельство: драматург должен подчинять свое творческое воображение велениям разума. В противном случае он, может быть, и напишет нечто резнутое (хотя и довольно складное) пьесу, но ему никогда не создается подлинно прекрасного произведения драматического искусства.

На днях исполнилось 80 лет Шону О'Кейси, замечательному ирландскому писателю, общественному деятелю, борцу за мир, искреннему другу Советского Союза.

Он родился в труппе Дублина, работал газетчиком, строителем, рабочим на железной дороге. О днях своей трудной юности он поведал потом в автобиографической повести «Я стучусь в дверь» (1939).

В 20-е годы, когда ему было за сорок, он стал широко известен. Славу ему принесли три пьесы: «Тень стрелка», «Онуна и павлин», «1916 и звезды». Они правдиво отражали ирландскую действительность, были проникнуты верой в простое человека.

Драматург Шон О'Кейси говорит об имени месс. «Его героем, — писала недавно газета «Дейли уоркер», — является не какой-то единственный Патрик или Джим, а все патрики и все джимы на свете». В своих пьесах Шон О'Кейси обращается к проблемам революции, рабочего движения. Таковы его драматические произведения «Звезда становится красной» (1940), «Пурпурная пыль» (1940), «Красные розы для меня» (1943). В 40—50-е годы О'Кейси — зрелый реалист, умело сочетающий способность рисовать тонкий индивидуальный портрет человека и убедительно вписать его в широкое социальное полотно. Таковы его произведения «Картины в прадерри» (1942), «Роза и корона» (1952).

Нашему другу О'Кейси 80 лет, и, отмечая эту знаменательную дату, мы отдаем дань любви и уважения одному из самых гуманных писателей нашего времени. Сегодня мы публикуем статью Шона О'Кейси, посвященную проблемам современного театра.

РАЗГОВОР о знании жизни нашими писателями — это не праздный разговор». Этими словами драматурга Г. Мдивани из его статьи «Вопрос правды жизни» мне хочется начать свои заметки. Я присоединяюсь к правильной мысли драматурга, но дальше начинаются наши разногласия.

Думаю, что Г. Мдивани неправ, объявляя конфликты, связанные с корыстью, завистью, заботой о собственном благополучии, устаревшими. Почему мы называем поступок Гагановой подвигом? Не потому ли, что у нас еще далеко не все люди готовы немедленно последовать за ним? Ведь никто у нас не называет подвигом систематическое перевыполнение производственных норм — это давно уже стало массовым явлением. Наверняка есть люди, которые не хотят поступать своим благополучием. Они чувствуют, что сегодня поступок Гагановой — подвиг, а завтра он уже станет нормой поведения. Значит, и им придется пошевелиться. Вот уже и основа конфликта. Я не был в Вышнем Волочке, но я уверен, что инне из людей, окружающих Гаганову, спокойной жизни и определенной материальной благ.

Коммунистическое сознание не вырастает на пустом месте — оно рождается в борьбе. Я хочу привести пример из жизни нашего завода «Серп и молот».

Еще несколько лет назад, когда существовало Министерство черной металлургии, основным критерием работы предприятий было выполнение плана по выпуску валовой продукции. Мартеновские печи завода «Серп и молот» — одни из самых производительных среди печей данного типа. Люди работали с энтузиазмом, и завод постоянно перевыполнял план. Металлурги зарабатывали немалые деньги, завод был окружен почетом, и название «Серп и молот» буквально не сходило с газетных страниц. Но в работе завода было не все хорошо. Имелись и немалые недостатки: велика была самостоятельность стали, значительны потери от брака, слаба технологическая дисциплина. Частенько еще варили сталь марки, иронически именуемой «К. В.», что означало: «какая выйдет». Рассуждая тогда примерно так: страна наша велика, и министерство всегда найдет, куда направить продукцию, а для нас главное — «дать план».

После исторических решений XX и XXI съездов партии в жизни завода произошли серьезные изменения. Завод перешел в ведение Московского совнархоза. И сразу выяснилось: дальше так работать нельзя. Предприятия совнархоза нуждались уже не в любви, а в строго определенных марках стали, да к тому же эта сталь им нужна была не вообще, а в точно установленные сроки.

Началась борьба за коренную ломку старой работы. И, честное слово, события, происшедшие у нас за последние годы, могли бы послужить темой не для одной пьесы, кинофильма, книги.

Надо признаться, что новый стиль работы давался с трудом. Для того чтобы убедить людей, что по-старому работать нельзя, приходилось применять и методы убеждения, и методы принуждения. Шла не всегда заметная, но ежедневная, ежечасная, ежеминутная упорная борьба. Оглядываясь сейчас назад, даже не веришь, что прошло всего несколько лет, — так велики изменения в жизни завода. И дело даже не только в технике. Выросли лю-

Шон О'Кейси, ирландский писатель

ди. Они осознали свою роль в жизни страны, на заводе появились бригады коммунистического труда.

Разве все это пришло само собой? Разве мало было людей, привыкших трудиться по старинке? Плохих организаторов, слабых специалистов, не удержавшихся на своих постах в новых условиях, очковатриателей, ранее притягивавших к цифру выполнения плана, корыстолюбцев, стремившихся любой ценой урвать кусок побольше. Разве они сдавали свои позиции без боя? Нет. А хорошим, честным, трудолюбивым разве было безразлично, что временно они стали меньше зарабатывать? Ведь в каждой семье есть свой бюджет. Ведь пока что у нас люди получают не по потребности, а по труду.

Нет, рано тов. Мдивани хоронит конфликты, которые он называет устаревшими.

Однако вернемся к заводу «Серп и молот». Теперь перед коллективом завода поставлены новые задачи: снизить потери от брака — это является огромным резервом увеличения производства; снизить стоимость продукции — она еще довольно высока.

Борьба продолжается. Трудностей у наших металлургов еще много. Не знаю, как у металлургов Рустави, где недавно гостил драматург, а у наших рабочих еще очень много нерешенных задач, а следовательно, и конфликтов в нашей жизни возникает немало.

НЕДАРОМ вспомнил о Рустави. Мне показался странным тот умилительный тон, в котором Г. Мдивани говорит о своем посещении Закавказского металлургического завода. Я не был на этом заводе, но существуют общезвестные факты, которые позволяют мне не поверить Г. Мдивани. Вот они:

Во-первых, завод в Рустави молодой. Он выдал первую сталь в апреле 1950 года. Кто пришел работать на завод? Вышние крестьяне — люди совершенно не знакомые с современным металлургическим производством. Крестьянин становился рабочим. Как проходил этот процесс? Неужели все было гладко и бесконфликтно? И разве эта ломка привычек, психологии уже закончилась? Мне кажется, для драматурга тут непочтительный край работы.

Во-вторых, из статей, прочитанных недавно в журналах «Сталь» и «Металлургия», я узнал, что на заводе велики, значительны потери от брака — 1,7 проц. против 0,5 проц. на Магнитогорском, Кузнецком комбинатах, на «Азовстали» и других заводах. На Закавказском металлургическом заводе велика простота доменных печей, они в два раза больше, чем на передовых предприятиях страны. Я не думаю, чтобы здоровый, сплоченный коллектив завода мирился с этими недостатками. Но Г. Мдивани ничего этого не увидел! Он, видимо, отнесся к своей поездке, как к празднику. Мдивани пишет, что в продолжение целого месяца не только находились в цехах завода, но бывал и в семьях рабочих, инженеров; разговаривал с ними, спорил; слушал, о чем они говорят, о чем спорят между собой. В продолжение целого месяца я не слышал о том, чтобы хоть один инженер или рабочий-рационализатор жаловался на то, что его назначения и предложения заграждают, что не помогают директор или главный инженер».

Ну, и что же? Из этого заявления видно, что тов. Мдивани хорошо известен только переходчик из пьесы в пьесу конфликт между новатором и кон-

ИСТОРИЯ франко-русской дружбы

изобудет, наряду с эпизодами исторического масштаба, и такими, в которых взаимные добрые чувства выражались в небольших, но удивительно теплых и сердечных человеческих проявлениях. Об одном из таких эпизодов, связанных с именем Льва Николаевича Толстого, уместно сегодня рассказать.

...В декабре 1909 года вместе с письмами из многих стран мира на рабочий стол Льва Толстого легло письмо в скромном сером конверте со штампом Пре-Сен-Жерве, близ Парижа. Простая французская женщина, мать троих детей, Генриэтта Жуанне писала в Ясную Поляну (публикуется впервые):

«Пре-Сен-Жерве 6 декабря 1909 г.

Господин граф! Простите меня, что я решилась Вам написать. Я тут же объясню почему. У меня есть мальчик двух с половиной лет, и когда его крестили, я позволила себе дать ему имя ЛЕВ МИР (Leop Raix), а Вас назвала почетным крестным отцом моего мальчугана. Во всем, что я читала из Ваших книг и в книгах о Вас, я любовалась величием Вашей души и Вашей добротой. Вот почему, восхищаясь всем, что Вы делаете для всеобщего мира, а захотела дать Ваше имя моему сыну...

Дорогой учитель! Очень прошу Вас сказать, хорошо или плохо я поступила, и прошу Вас принять фотографию моего крошки, а в обмен послать Вашу, чтобы мои дети любования ею и любовью Вас. Примите, господин граф, уверение в совершенном к Вам уважении и мой почтительный привет.

Ваша покорная слуга Генриэтта Жуанне.

Р. С. Жду с нетерпением ответа, чтобы послать Вам, если Вы пожелаете, фотографию Вашего крестника. Я — жена скромного парижского парикмахера. Ваш адрес: Эмиль Жуанне (парикмахер), ул. Пантен, 11. Пре-Сен-Жерве, департамент Сена».

Льва Николаевича тронуло это письмо. Судя по его напписан на конверте, он первоначально решил было поручить составление ответа секретарю и сделал для него указание: «Написать, что мне приятно, благодаря за добрые чувства». Однако он тут же передумал и ответил на него сам. Он отправил своему крестнику одну из своих фотографий и сделал на ней по-французски следующую теплую надпись: «Посылаю мой портрет моему крестнику и благодарю его родителей за их добрые чувства ко мне».

Лев Толстой 11 декабря 1909 г.»

ФРАНЦУЗСКИЙ КРЕСТНИК

Льва Толстого

Письмо и портрет русского писателя доставили семье французского парикмахера огромную радость. Об этом свидетельствует новое письмо в Ясную Поляну — на сей раз от главы семьи, Эмиля Жуанне, в котором он горячо благодарит Толстого за доброту, внимание и отзывчивость. Вот это письмо (публикуется впервые):

«Пре-Сен-Жерве 26 декабря 1909 г.

Господин граф! Настоящим письмом благодарю Вас за то, что Вы любезно согласились быть крестным отцом моего сына. Присоединяю к этому письму его метрику, чтобы Вы убедились, что я Вас не ввел в заблуждение, а также его фотографию, которая, надеюсь, будет Вам приятна.

Шлем Вам наши наилучшие пожелания к Новому году и благодарим еще раз за Вашу доброту и за Ваш портрет.

Примите, господин граф, наш почтительный, смиренный привет.

Э. ЖУАННЕ».

В письмо было вложено официальное метрическое свидетельство, из которого явствует, что Люсьен Густав Эмиль Леон Мир родился 17 июня 1907 г. от Эмиля Адольфа Жуанне и Генриэтты Матильды, урожденной Фрикто, проживающих в Пре-Сен-Жерве, ул. Пантен, 11.

В конверте лежала также фотография ребенка, на обороте которой рукою матери сделана надпись: «Крепко люблю моего крестного, Леон Жуанне. 26 декабря 1909 г.».

Новое письмо и особенно фотография крестника доставили Толстому истинное удовольствие. По сохранившемуся неопубликованному свидетельству домашнему врачу и другу писателя Д. П. Маковского, Лев Николаевич с доброй улыбкой разглядывал фотографию младенца и затем, показав ее своим близким, радостно воскликнул: «А крестник мой хорош!»

Вот и вся история, о которой поведали нам пожелтевшие листки в отделе рукописей Музея Л. Н. Толстого.

К сожалению, нам ничего не известно о дальнейшей судьбе Эмиля и Генриэтты Жуанне, жителей парижского предместья, столь тепло и задушевно выразивших свою любовь к великому русскому писателю.

А. ШИФМАН, кандидат филологических наук

Почему я не согласен с Г. Мдивани

ди. Они осознали свою роль в жизни страны, на заводе появились бригады коммунистического труда. Разве все это пришло само собой? Разве мало было людей, привыкших трудиться по старинке? Плохих организаторов, слабых специалистов, не удержавшихся на своих постах в новых условиях, очковатриателей, ранее притягивавших к цифру выполнения плана, корыстолюбцев, стремившихся любой ценой урвать кусок побольше. Разве они сдавали свои позиции без боя? Нет. А хорошим, честным, трудолюбивым разве было безразлично, что временно они стали меньше зарабатывать? Ведь в каждой семье есть свой бюджет. Ведь пока что у нас люди получают не по потребности, а по труду.

Нет, рано тов. Мдивани хоронит конфликты, которые он называет устаревшими.

Однако вернемся к заводу «Серп и молот». Теперь перед коллективом завода поставлены новые задачи: снизить потери от брака — это является огромным резервом увеличения производства; снизить стоимость продукции — она еще довольно высока.

Борьба продолжается. Трудностей у наших металлургов еще много. Не знаю, как у металлургов Рустави, где недавно гостил драматург, а у наших рабочих еще очень много нерешенных задач, а следовательно, и конфликтов в нашей жизни возникает немало.

НЕДАРОМ вспомнил о Рустави. Мне показался странным тот умилительный тон, в котором Г. Мдивани говорит о своем посещении Закавказского металлургического завода. Я не был на этом заводе, но существуют общезвестные факты, которые позволяют мне не поверить Г. Мдивани. Вот они:

Во-первых, завод в Рустави молодой. Он выдал первую сталь в апреле 1950 года. Кто пришел работать на завод? Вышние крестьяне — люди совершенно не знакомые с современным металлургическим производством. Крестьянин становился рабочим. Как проходил этот процесс? Неужели все было гладко и бесконфликтно? И разве эта ломка привычек, психологии уже закончилась? Мне кажется, для драматурга тут непочтительный край работы.

Во-вторых, из статей, прочитанных недавно в журналах «Сталь» и «Металлургия», я узнал, что на заводе велики, значительны потери от брака — 1,7 проц. против 0,5 проц. на Магнитогорском, Кузнецком комбинатах, на «Азовстали» и других заводах. На Закавказском металлургическом заводе велика простота доменных печей, они в два раза больше, чем на передовых предприятиях страны. Я не думаю, чтобы здоровый, сплоченный коллектив завода мирился с этими недостатками. Но Г. Мдивани ничего этого не увидел! Он, видимо, отнесся к своей поездке, как к празднику. Мдивани пишет, что в продолжение целого месяца не только находились в цехах завода, но бывал и в семьях рабочих, инженеров; разговаривал с ними, спорил; слушал, о чем они говорят, о чем спорят между собой. В продолжение целого месяца я не слышал о том, чтобы хоть один инженер или рабочий-рационализатор жаловался на то, что его назначения и предложения заграждают, что не помогают директор или главный инженер».

Ну, и что же? Из этого заявления видно, что тов. Мдивани хорошо известен только переходчик из пьесы в пьесу конфликт между новатором и кон-

Обсуждение проблем драматургии, которое развернулось на страницах «Литературной газеты» в связи с предстоящим пленумом правления Союза писателей СССР, вызвало живой интерес у наших читателей. В редакцию поступило большое число откликов, статей. Сегодня мы публикуем одну из них.

Если продолжить это сравнение, то надо сказать, что и палуба на корабле бывает не всегда надраена... Я говорю о том, как выразены в той или иной форме идеи автора, каким языком говорят его герои.

Писатели — инженеры человеческих душ. К драматургии это относится, по-моему, в первую очередь. По воле драматурга на сцене ходят живые люди, и зритель относится к ним именно так, как к живым людям. И зритель прекрасно чувствует малейшую фальшь в словах артистов.

Подобная история происходит с Татьяной, героиней «Якорной площадки». Артистка Л. Касаткина, отлично играющая эту роль в Центральном театре Советской Армии, раскрывает перед нами этот сложный и именно поэтому очень жизненный характер.

Мы верим в ее любовь к Сергею, любовь, далекую от какой-либо пошлости, слезливости или жертвенности. И вдруг она заявляет капитану Бондарю: — Спасите Сергея, и тогда «мы подем с вами в Харьков... к вашему родителям...» — то есть она станет его женой.

А мы, зрители, не верим. Не верим, ибо и автор, и актриса уже раскрыли нам душу Татьяны, и мы понимаем, что так сказать она не могла. Ее слова звучат неожиданно... и фальшиво.

И вот другая пьеса — «Иркутская история», и другая девушка — Валя в прекрасном исполнении Ю. Борисовой. У Валя очень сложный и трудный характер. Вот она приглашает на свой день рождения двух друзей, двух соперников. И когда приглашение достигает предела, Валя заявляет: «отменяется день рождения. Тем более — я его выдумала. Он у меня в августе»...

Когда я это услышал, я чуть не вскричал с места — так это было неожиданно. Но так в характере Валя! Я безоговорочно поверил: да, Валя могла, даже обязана была поступить именно так.

Только поверив герою, зритель будет верить и драматургу. Писатели — инженеры человеческих душ. Сейчас инженер в своей области может сделать все. Он вооружен точнейшими приборами. А драматург? Может ли он сделать все в своей области?

Работа «на авось» у нас в металлургии приводит к аварии, к браку. Брак в искусстве приносит обществу не меньший, если не больший вред. Брак в творчестве неминуем, когда писатель хоть на шаг отступит от большой жизненной правды.

Ю. КАМЕНСКИЙ, инженер, мастер завода «Серп и молот»

Коллектив редакции «Литературной газеты» выражает глубокое соболезнование сотруднику редакции Б. М. Сарнову по поводу смерти его отца САРНОВА Михаила Владимировича.

Парижский квартет и московские слушатели

«ЕСЛИ БЫ я был министром иностранных дел, мелодии Мусоргского помогли бы мне положить содержание депеш нашей посылки в Петербург». Эти слова одного из французских философов, в сущности, могут быть отнесены ко всякому подлинному искусству: в нем всегда отражается жизнь и бьется сердце народа. И сейчас, в дни, когда с такой огромной силой раскрылась великая дружба двух народов — нашего и французского, — чудесная музыка Франции служила для нас своего рода дополняющим «комментарием» к сообщениям корреспондентов из Парижа, Бордо, Марселя, Лижона, Вердена...

Потому с таким удовольствием и особым интересом слушали мы на днях в исполнении французского струнного квартета Парренен произведения Дебюсси, Равеля, Русселя. Равель, Дебюсси — музыка их популярна и любима у нас. Мы чтим Равеля, однако, не только как автора «Болеро», «Лачинка» и «Хлоя», «Испанской рапсодии». Забыть ли нам роль Мориса Равеля в пропаганде на Западе — и словом, и делом — творений нашего Мусоргского? Бюсси, Бюссики или Бюссион — сразу и не поймешь, что речь идет о прославленном ав-

панте, М. Валес и П. Пеннасу. Как известно, когда в квартете собраны хорошие музыканты, это уже очень много, однако еще не все. Нужны годы совместной, настойчивой работы, чтоб родился ансамбль — ансамбль не четырех инструментов, а чудесный сплав из четырех артистических индивидуальностей, четырех сердец. Говорить об этом квартете — значит говорить и о воздушности легкости смывков его участников, и о грани их постижения виртуозной техники, о нежном изяществе инструментальных красок. Но есть черты в искусстве «Парренен», которые хочется подчеркнуть особо, ибо они определяют их неповторимое своеобразие. Речь идет о стиле исполнения.

Стиль этот вырос из самого музыкального творчества Франции, из многовековых традиций национальной культуры. Ансамбль Парренен словно возник для исполнения музыки корифеев музыки французской музыкальной классики и прежде всего, как мне кажется, камерного творчества Дебюсси, Равеля и других. Парренен и его товарищи необычайно хорошо чувствуют терку и горьковатую пряность гармонии Равеля, и это предопределяет расцветку полифонических голосов в исполнении Парренен. Про-

ста иззнанности мелодизма Дебюсси — не от нее ли возникают так элегантно непринужденность и милая естественность музыкального «пронизования», столь свойственные французским квартетам... Ромэн Роллан писал о гениальности вкуса Дебюсси. Утонченный вкус мы находим у Парренен. Вкус и чувство меры.

Музыку Дебюсси и других французских импрессионистов зачастую трактовали как искусство сумеречных настроений, замкнутое, «усталое», чуждое ли не упадническое. Ансамбли Парренен с этим явно не согласны, и здесь вторая характерная черта их исполнительского облика — они стараются преодолеть старые традиционные представления о музыке французского импрессионизма, ее статичности, и под их руками музыка эта обретает яркую эмоциональность, внутренний динамизм, звучит светло, словно прорисованная живой водой современности.

В щедрых аплодисментах, которыми награждали москвичи посланцев музыкальной Парижа, была не только признательность прекрасным мастерам, но и проявление дружеской симпатии и любви советских людей к народу Франции.